

Отзыв официального оппонента на диссертацию Ившина Владислава Сергеевича «Формирование консервативных идей в российской общественно-политической мысли 1790-х – 1810-х гг.», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история.

Актуальность представленного на соискание кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история диссертационного исследования В. С. Ившина определяются как тем обстоятельством, что консерватизм является, согласно мнению соискателя, одной из важнейших «доминант» не только отечественной социально-политической мысли, но и общественного сознания в России на протяжении всего XIX в. и начала века XX. По сути дела, автор диссертации обращается к вопросу о генезисе российского консерватизма и к вопросу о той первоначальной форме, которую он принял в рассмотренный им период. Разумеется, подобное исследование позволяет в исторической перспективе рассмотреть метаморфозы этого направления политической мысли. Кроме того, российская историческая наука в последние три десятилетия переживает период методологического обновления. Одним из важнейших направлений в этом процессе стало развитие интеллектуальной истории, которая, затрагивая широкое поле исторической проблематики (проблемы исторической памяти, локальной и наднациональной истории и др.), одновременно поддерживая творческий диалог с зарубежной наукой, сумела сказать свое слово как в плане разработки методологии, так и в плане многочисленных конкретных исследований, подтверждающих ее валидность. Автор диссертации работал в русле интеллектуальной истории. Таким образом, тематика, затронутая в диссертации, безусловно, соответствует современным тенденциям в развитии исторической науки, стремящейся дать ответ на общественно-значимые вопросы, которые относятся к пониманию специфики российской истории и национальной идентичности.

Отдельным достоинством представленной диссертации является апробация ее результатов. Автор опубликовал 29 научных работ, в том числе 4 в ведущих рецензируемых изданиях. Автор принял участие в 25 международных и всероссийских конференциях и, таким образом, его работа стала известна и получила отклик в профессиональном сообществе.

Исключительным достоинством работы является обширная источниковая база исследования, которая насчитывает 250 наименований и четко структурирована в работе. Действительно, консервативные идеи в России развивались в этот период не только политическими мыслителями в собственно политических сочинениях, но и проникали в общественное сознание, которое впитывало и развивало их в рамках различных дискурсов, образных рядов (в случае художественных произведений или панегириков), через оценку поступавшей информации (газетные известия и др.).

Разумеется, столь разносторонний характер источников потребовал от автора оптимального методологического подхода к их изучению. Их невозможно изучать с позиций «истории идей» и биографий мыслителей, а также институциональной истории, неким «дополнением» к которой, к сожалению, в ряде является политическая мысль. Соискатель ученой степени обоснованно выбирает анализ дискурсивных практик, ее стратегий, аргументаций, а в широком плане - языка российского консерватизма. Этот подход, обоснованный представителями «кембриджской школы», представленной именами Дж. Покока, Кв. Скиннера и Дж. Дана, уже позволил автору диссертации по-новому рассмотреть многие вопросы, поставленные историками русской общественной мысли XVIII и XIX вв.: проблемы ее терминологии и лексики переводов иностранных сочинений на русский язык и др. (см., к примеру, издание «Общественная мысль России с древнейших времен до середины XX в.»). Выдвигая на первый план конкретно-историческое понимание политических идей сквозь призму языка, которым они выражены, этот подход «кембриджской школы» позволяет избежать поспешных обобщений, произвольной таксономии (какой комплекс идей относить к «консерватизму»?) и явного анахронизма в понимании их значения и развития в определенную эпоху. Оправданным, учитывая особенности источниковой базы исследования, следует считать впервые привлеченный комплекс источников - панегириков, представляется анализ ее с позиций «теории модернизаций» (в контексте исследования - вестернизации), поскольку русская мысль и культура рассматриваемого времени испытала серьезное влияние западно-европейского консерватизма, из «гlossария» (выражение автора) которого заимствовали свои риторические стратегии и аргументации.

Вместе с тем, хотелось бы, чтобы автор диссертации прояснил один существенный момент. Ссылаясь на К. Скиннера, он отмечает, что тот «предлагает исходить из того, что за каждым текстом стоят определенные мотивы и намерения автора, которые и определяют реальный смысл текста» (текст диссертации с. 33), а на с. 34 утверждает, что интеллектуальная история в редакции «кембриджской школы» «позволяет рассматривать российский консерватизм 1790-х–1810-х гг. как своеобразную манеру политической речи: набор риторических стратегий, аргументаций и функционирования определенных гlossариев» в контекстах. А куда же делись «мотивы и намерения»?

Бесспорно удачной и аргументированной следует признать избранную автором диссертации структуру исследования, которая охватывает всю проблематику, обсуждаемую в источниках.

В первой главе рассмотрена реакция писателей консервативного направления на Французскую революцию и на события, предшествовавшие третьему разделу Польши. Соглашаясь с автором в том, что в общественном сознании России события в Польше, связанные с принятием Конституции от 3 мая 1791 года, ассоциировались с «беспорядками» во Франции, отметим

следующее. Эта Конституция возникла не на пустом месте. В разгар Барской конфедерации 1769-1771 гг. Игнаций Массальский и Михаил Виельгорский обратились к аббатам Мабли, Бодо, а так же к Руссо, Лемерсье де Ля Ривьеру и ряду других авторов с просьбой дать проект преобразований в государстве. Все эти проекты, помимо их антироссийской направленности, по сути предполагали создание конституционной монархии. Многие идеи были учтены М. Виельгорским (в целом консервативно и проаристократически настроенным) в его сочинении, опубликованном в 1775 году. Они то и оказались транслированными в текст Конституции Польши. В широком историческом ключе осуждение ее в русской мысли означало ничто иное, как отказ от идей крупнейших представителей французского Просвещения, в том числе Руссо и физиократов.

В самом общем плане, несмотря на наличие специального исследования (Barran, T., *Russia Reads Rousseau, 1762–1825* (Evanston: Northwestern University Press, 2002), которое целесообразно было бы автору учесть в последующих работах, когда речь заходит о восприятии идей Руссо или Монтескье в России в рассматриваемую автором историческую эпоху, хотелось бы отметить следующее. Во-первых, идеи Монтескье, Руссо и других просветителей были основой для конструирования собственного дискурса. Классикой компиляции в этом отношении является «Наказ» императрицы Екатерины и, в особенности, его черновики: там можно найти и ссылки на Руссо (концепция «общей воли» из статьи «Политическая экономия» в «Энциклопедии»), и цитаты из физиократов (Лемерсье де Ля Ривьер) и, разумеется, Монтескье и Беккариа. Западная мысль была своеобразным «магазином идей», которые в России компилировали в меру возможностей, о чем свидетельствует, к примеру извлечение из концепций «естественного права» Золотницкого. Во-вторых, конечно, не нужно ссылаться на мнение Лотмана (текст диссертации с. 88) о заимствовании идеи «республиканской монархии» в России. Нужно проанализировать самого Руссо, у которого эта идея развивалась в рамках договорной концепции происхождения государства: общественный договор создает республику, включая в себя соглашение о форме правления, которая может быть демократией, монархией или аристократией. Но важно и другое: в этом отношении Руссо был новатором, поскольку его идеи в корне расходились с идеями Пуфендорфа и Ваттеля, заявлявших о том, что договор включает в себя «пакт о подчинении» (*pactum submissionis*) верховной власти. И именно у тех, кого он критикует, становится возможной теория «фундаментальных (коренных) законов», воспринятая сначала в «Наказе» Екатерины II (главы III, IV), а в интересующую автора эпоху - в русской юридической мысли: у Лодия, Чиляева, Филимонова. Но не только. Этот концепт получил развитие у физиократов, труды которых были достаточно известны в России рассматриваемого времени. Этому сюжету уделяли внимание в свое время историки А. Н. Макаров и В. Ф. Тарановский. Конечно, следует обратить внимание и на то, что «договорные концепции» - это юридико-теоретический анализ, а Монтескье - это анализ позитивного права и существующей

традиции, анализ которой предпринят в трактате «О духе законов», а также и ее защита в последних книгах этого произведения, где автор рассуждает о феодальном правлении. Таким образом, то, что автором названо «глоссариями» республиканской монархии, перехода от одной формы правления к другой в духе Монтескье, а также «фундаментальных (коренных) законов», являлись концептами, актуализировавшимися в России в различных контекстах и дискурсивных практиках. Позволю себе дать рекомендацию: в последующих работах сделать акцент на анализе именно концептов западно-европейской политической мысли.

Во второй и третьей главе работы обстоятельно и на широком круге источников рассмотрены монархические идеи российских консерваторов и вытекавшие из них идеи социальной иерархии. Убедительным и обоснованным считаю выводы автора о том, что «Представления российских консерваторов о монархической власти основывались на глоссариях провиденциального и секулярного монархизма, в которых объединяющей категорией выступало понятие *добродетели*, связавшее воедино патерналистские и провиденциалистские риторические стратегии и представления о «фундаментальных законах». (Автореферат. Дисс. С. 14) В этой связи меня самого в качестве исследователя, безусловно заинтересовали оценки событий во Франции – «бунт, хаос, смута», царствие «антихриста» - были они вызваны или перекликались ли с листовками и брошюрами французских эмигрантов-легитимистов, которыми они наводняли Европу? И, конечно же, не могу не упомянуть в этой связи весьма плодовитого полемиста и эссеиста аббата Огюстена Баррюэля, «Вольтерьянцы» и «Записки о якобинцах» которого активным образом переводились и печатались в России, в особенности, в самом начале царствования Александра I (публикации 1806-1808 гг.) В этом контексте заслуживает отдельного внимания и комплиментарного отзыва весьма глубокий и всесторонний анализ проблемы ссылок на «Божественное провидение» (с. 114) в русской панегирической литературе, имевшие в ней место характеристики Наполеона как «Антихриста», создавшего форму «смешанного правления», а так же тенденции к «патернализации» царской власти в России (с. 184-197).

Истоки, к примеру, патерналистских идей автор диссертации видит во влиянии идей Фенелона и Мармонтеля. Как нам представляется, весь этот комплекс идей и дискурсов, широко вульгаризировавшийся во французской эмигрантской публицистике, восходит к идеям французский традиционалистов, в первую очередь, виконта Луи де Бональда, который не только обосновал божественное, а потому естественное, происхождение патерналистской власти государя-отца семейства, но и крайне негативно высказался о «смешанном правлении», которое вносит смуту в установленный порядок. Кроме того, он уделил огромное внимание в своих теоретических работах языку и его роли в передаче традиции, восходящей к моменту дарования языка человеку Богом. Перекличек с его сочинениями у того же Шипкова, - немало. Естественно, нельзя не обратить внимание и на то, что как в работах Бональда, так и в

работах де Местра для объяснения происходивших событий широко используются провиденциализм, а «функциональный подход» в оценке роли сословий ими аргументируется с позиций функций членов семьи, каковой по их мнению и является государство во главе с монархом. С этой точки зрения напрашивается вопрос, в какой мере дискурсы российских мыслителей усвоили патерналистские и провиденциалистские идеи французских традиционалистов-консерваторов? Можно ли проследить влияние вторых на первых?

В этом аспекте хотелось бы дать некоторые рекомендации автору диссертации. Необходимо в последующем анализе учитывать работы отечественных исследователей, посвященных не только французской версии консерватизма, но и, к примеру, английской. Имеется в виду, в частности, работа А. В. Чудинова «Размышления англичан о Французской революции» (монография на основе докторской диссертации), где представлен как исторический контекст, так и идейное содержание споров английских консерваторов, в частности, Эдмунда Берка.

Автор диссертации абсолютно прав в том, что в четвертой главе обратил внимание на «риторические стратегии российских консерваторов в переосмыслении исторических сюжетов Смуты, их роль и значение для российской общественно-политической мысли 1790-х–1810-х гг.» (автореферат дисс. с. 19) Консерватизм, будучи основан на традиционализме, неизбежно обращается к переосмыслению прошлого. Автор тщательно и всесторонне проанализировал и «греко-римские» образы, и образы исторических деятелей, таких как Василий Шуйский и кн. Д. М. Пожарский, обратил внимание на то, что их деятельность анализировалась в рамках «гlossария форм правления», в частности, «смешанного правления». Вместе с тем, при анализе образов исторической памяти необходимо принять во внимание методологические подходы и историографические выводы из работы О. Б. Леонтьевой «Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX-начала XX вв.», где проводится различие между «дискурсом памяти» с присущими ему способами организации нарратива, выбором сюжета и языка с одной стороны, и, с другой стороны, - «образом прошлого», своего рода метафорой, с присущим им мобилизационным и интегрирующим потенциалом и отражающий определенный «социальный заказ». Можно ли выделить эти два вида исторической памяти в трудах консерваторов?

Что нового дает интеллектуальная история для понимания консерватизма в момент его генезиса? Ответ автора гласит, что она позволяет решить: «проблему реконструкции риторических стратегий российских консерваторов 1790-х – 1810-х гг., отвечающая не на позитивистский вопрос *что они писали о какой-либо теме*, а на вопрос: *почему они писали о какой-либо теме именно таким образом*». (диссертация. С. 26) Проведя тщательный анализ источников, автор пришел к убедительным выводам, позволившим ему дать всестороннюю характеристику российскому консерватизму в рассмотренный исторический период.

Вместе с тем, исследование В. С. Ившина не свободно и от недостатков:

1) Менее убедительными в силу отмеченных ранее причин выглядят выводы автора относительно модернизации («вестернизации») российского консерватизма, который очевидным образом заимствовал определенные *концепты* у западно-европейских писателей. Изучение процесса их адаптации российскими консерваторами как раз и позволит в полной мере ответить на вопрос «почему и каким образом» они писали именно так.

2) В тексте диссертации есть досадные опiski, например: «Надо полагать, что историческая аргументация на примере героини Дм. Донского и его победы *над Батыем*, дополнялась еще более мощным сюжетом крестоцеловальной записи Шуйского» (с. 286)

Высказанные замечания и пожелания не умаляют отмеченных ранее достоинств диссертационного исследования В. С. Ившина, поскольку задают ориентир автору для дальнейшей научной работы.

Диссертация В.С. Ившина «Формирование консервативных идей в российской общественно-политической мысли 1790-х – 1810-х гг.» соответствует требованиям п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней в УрФУ» от 13.05.2024. Соискатель достоин присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1 Отечественная история.

Официальный оппонент:

Сергей Викторович Занин,
доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой истории Отечества,
медицины и социальных наук
Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Самарский государственный
медицинский университет»
Министерства здравоохранения РФ



443099, Российская Федерация,
г. Самара, ул. Чапаевская, 89
тел.: + 7 (846) 374-10-01
email: info@samsmu.ru

Дата: 29.11.2024

Федеральное государственное высшее образование «С университет» Министерств (ФГБОУ ВО С
Начальник отдела кадров
«29» ноября 2024 г.